

author behavior. Each of the parts, formed the novel, is actualized one of the dominant of such behavior. The image of Pechorin is treated as intermediate figure (character) not in social-historical sense but in historical-literal sense. It is a hero, the only "aim" of whom is to become the author of the novel.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Эпос и роман // Вопросы литературы. – 1970. – №1.
2. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство, т.43-44. – М.: Наука, 1941. – С.517-628 .
3. Коровин В.И. Герои Лермонтова // Литература. – 1997. – №19.
4. Мануйлов В.А. М.Ю.Лермонтов. Биография писателя. Пособие для учащихся. – Л.: Просвещение, 1976.
5. Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова. – М.: Гослитиздат, 1957.
6. Щерблыкин И.П. Лермонтов. Жизнь и творчество. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990.
7. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961.

УДК 821.161.1.09

РАЗВИТИЕ ЖАНРА ЭЛЕГИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЭЛЕГИЙ Ф. ПРОКОПОВИЧА, В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО)

Н.А.Волик

Элегия как жанр лирической поэзии уходит своими корнями далеко в прошлое. Первые упоминания об элегии относят нас, как известно, еще к 7 веку до н.э., родоначальником ее считают древнегреческого поэта Каллина. Тематика элегий отличалась разнообразием – это и славная воинская история, и любовная страсть, и философские размышления и т.д. В теории литературы существуют несколько жанровых определений элегии. Так, Ф. Прокопович в «Поэтике» пишет: «Элегия есть некое печальное поэтическое произведение», но «все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби и т.п. » [1, с.439]. В.Г. Белинский называет элегию «песней грустного содержания». Л.Г. Фризман, анализируя элегический жанр, отмечает: «Есть в истории литературы знакомые незнакомцы. Такова русская элегия. О ней написано много и мало... Имеется несколько статей, специально посвященных этой теме (Г.А. Гуковского, И.Н. Медведевой, И.Л. Альми, Л.С. Флейшмана, Т.П. Поповой и др.). Но нет книг, которые бы охватили всю историю русской элегии. Подобный пробел, естественно, дает себя знать» [2, с.3].

Подчеркивая устойчивый интерес исследователей к жанру элегии, отметим, что и сегодня есть нерешенные проблемы, требующие уточнения и дополнения. Это и обусловило наш интерес к данному типу произведений.

Одним из первых к изучению жанра элегии обратился Ф. Прокопович. В своей «Поэтике», написанной на латинском языке, он выделяет семь родов поэзии и распределяет все жанры по трем стилям, причем элегию относит к среднему стилю или цветистому. Прокопович пишет: «...слова – отобранные, но не слишком напыщенные, изречения немногословны, уподобления – кратки, примеры – подобраны в небольшом числе..., главным образом такие, что служат для изображения переживаний».[1; 440] Ф. Прокопович не только теоретически пытался осмыслить элегический жанр, но и ос-

тавил первые поэтические образцы в этом типе произведений. Таким образцом жанра элегии является стихотворение «Плачет пастушок в долгом ненастье» (1730 г.), которое передает грустные печальные размышления героя о темном, безнадежном периоде в его жизни, что доказывает мнение Ф. Прокоповича о происхождении элегии из плача («Сначала именно в этом роде воспевали исключительно печальные события, а затем начали затрагивать всевозможные предметы» [1; 439]):

Позишися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас дѣды к тебѣ вопити
научали [1; 245].

Многие теоретические установки автора «Поэтики» нашли отражение в его творчестве. Прокопович пишет: «Хотя элегия и не всегда должна иметь печальное содержание, все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби...» [1, с.440]. В элегии «Плачет пастушок...» находит воплощение мотив переживания и скорби:

Нѣт и надежды. О многобѣдно
мое щастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нѣчто полготить стаду
да обманит.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины [1, с.245].

Из текста элегии видно, что грустное, скорбное, печальное настроение становится характерным типологическим признаком этого типа произведений, материальное воплощение этот жанровый признак находит в словах «ненастье, многобѣдно, воплей плачевных, кручины, печали, вопити, нѣт и надежды». Следует обратить внимание на широкий выбор Прокоповичем вариантов вербализации печали, охватившей героя произведения. Для этого автор прибегает не только к характеристике внутреннего состояния пастушка («многобѣдно мое щастье», «нет же и конца воплей плачевных и кручины», «нас свободити от печали»), но и к тому, что чем это состояние вызвано («коли явится милость прещедра небес ясных», «свѣта не видно, – все ненастье», «вод дождевых нѣт отмѣны»). Прокопович использует такие художественные приемы как перифраз («нѣт и надежды»), олицетворение («явится милость», «о многобѣдно мое щастье»), психологический параллелизм, подчеркивающий тесную связь героя с природой:

Ни с каких сторон свѣта не видно, –
все ненастье.
Нѣт и надежды. О многобѣдно
мое щастье;
Прошел день пятый, а вод дождевых
нѣт отмѣны.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины [1, с.245].

Прокопович использует в произведении несвойственное элегиям сочетание длинных и коротких строк (хотя в своем «Поэтическом искусстве» настаивает на чередовании гексаметров и пентаметров). Элегия содержит аллитерацию на глухие согласные [с] и [т], что помогает передать настроение «тоскующего сердца» героя-пастушка; а часто повторяющийся звонкий [в] – безрадостность и плачевность ситуации.

В рассматриваемой элегии следует подчеркнуть наличие и других жанровых признаков, в частности, жанра идиллии. Прокопович дал развернутую характеристику буколического жанра: «Буколическая поэзия есть подражание сельским действиям, она подобна комедии, но разница между ними в том, что первая затрагивает также и дела

гражданские, последняя же касается только поселян. Буколическая поэзия почти всегда бывает аллегорической» [1, с.437]. В произведении «Плачет пастушок» есть буколические мотивы: герой-пастух на лоне природы, его внутренние переживания отражаются посредством окружающей природы, которая иносказательно изображает тяжелые времена в жизни самого Прокоповича (реакция, епископ Георгий Дашков):

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон свѣте не видно, –
все ненастье.
Дрожу под дубом; с крайним голодом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.

В результате анализа элегии «Плачет пастушок в долгом ненастье» можно отметить, что Прокопович, активно принимающий участие в формировании риторической эстетики, в становлении родов и жанров русской литературы, синтезирует жанры элегии и идиллии, хотя в традиционной теории классицизма, которую он представляет в своей «Поэтике», говорит о самостоятельной значимости каждого отдельного жанра.

В.К.Тредиаковскому принадлежат элегии двух типов: треническая (трагическая) и любовная. Рассмотрим вначале пример тренической элегии «Элегия о смерти Петра Великого» (1725 г.). Произведение проникнуто грустным содержанием и представляет собой плач о кончине Петра Великого:

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! Знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады! [3, с.57]

Тредиаковский изображает горе и печаль не одного человека, скорбящего о Петре I, а всего русского народа в образах Вселенной в купе с Палладой, Марсом, Нептуном, Политикой. Автор позволяет каждому герою оплакивать царя, скорбеть, рыдать, а главное, наделяет покойного Петра сверхъестественными достоинствами, возвышая его над богами:

В большу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю:
«Дела,-рече,-храбра я один не исправлю.
О Петре! Петре! Петре! Воине сильный!
При градах, и во градах, и в поле весь дивный.
Возвратись моя радость, Марсова защита:
Марс, не Марс без тебя есмь, ах: но волокита» [3, с.58].

Элегия написана гекзаметром с чередующимся количеством слогов; рифма женская, параллельная. В элегии Тредиаковский использует не просто эмоциональную лексику, а передающую высшую степень душевных переживаний: «вопиет, слезит, стонет», «оцепенела», «падает, обмирает, власы себе комит; все на себе терзает; руки себе ломит», «стонет» [3, с.56-59].

Горечь от потери Петра смягчается автором в конце элегии:

Всюду плач, повсюду туга предельна бывает.
Но у бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти треба [3, с.59].

Тредиаковский объединяет в элегии элементы языческой мифологии и Христианства, вместе с тем она изобилует риторическими восклицаниями, близкими к репликам воплениц в фольклоре:

Ах! Покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель;
Увы, мой Петре! Како возмогу стерпети
Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети?;
Почто мне Петре отнял? [3, с.58-59].

Образ Петра создается с помощью ярких, выразительных эпитетов: «славный, любимый, премудрый, сильный, дивный».

Свой «Новый краткий способ к сложению российских стихов» (1735 г.) Тредиаковский снабдил двумя элегиями, сочиненными гекзаметром – «Элегией I» и «Элегией II». Эти стихотворения – вершина лирической поэзии Тредиаковского. Его любовная поэзия страстная, эмоциональная, чувственная, глубокая. Подобные характеристики элегии как жанра не отвечали законам классицизма, где разум всегда преобладал над чувствами. Отметим, что в русской поэзии до Тредиаковского вообще не существовало языка «любви» и «нежности». После перевода с немецкого романа Тальмана «Езда в остров любви» Тредиаковский настаивает на необходимости нового стиля в поэзии, что впоследствии сделает его новатором в любовном стихотворстве. Потому данные элегии не только являются новаторскими по силе чувств, описанных в них, но и представляют собой образец языка любовной поэзии. Лирический герой элегий – вымышленный вдовец, потерявший свою любимую Илидару (шаг, предпринятый Тредиаковским из моральных соображений):

С Илидарою навек я уж разлучился
И в последние тогда весь в слезах простился [3, с.397].

Автор изображает чувство любви как мучительную страсть; злую муку; воспоминания, не дающие покоя; нереализованные желания, бессонницу, болезнь:

Не возможно сердцу, ах! не иметь печали;
Очи такожде еще плакать не престаи:
Друга милого весьма не могу забыть,
Без которого теперь надлежит мне жити; [3, с.397]
С Илидары бо драгой мысли все не сходят;
Мне же, бедному, теперь от сея разлуки
Все несносные страдать нужно стало муки; [3, с.399]
Прежестокая болезнь всяк час то съедает,
Несравненная печаль как зверь лют терзает;
Мысли, зря смущенный ум, сами все мятутся... [3, с.400].

Любовными ассоциациями поэта становятся: пламень сердечный; жар, разящий стрелой; безнадежность. Часто Тредиаковский обращается к Купидину, коря его за бессердечие и любовные муки, посылаемые ему:

Нерассудный и слепой, Купидин пресильный,
И который толь ко мне ныне не умильный!...
Ты велишь мне то любить, нельзя, что любити,
С света знатного сего хочешь мя сгонити... [3, с.399].

В тексте второй элегии герой шесть раз обращается к Купидону лишь с единой просьбой: ослабить сердечную муку, оставить только память о любви:

О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!

Ту из сердца вынять всю, в мыслях ты оставить [3, с.401]. -

Любовь у Тредиаковского не всегда несчастная, он позволяет себе рисовать картины взаимной радостной любви, которая посещает счастливых влюбленных лишь во снах, дабы не нарушать печальную направленность элегии:

Тени в памяти живут, только, ах! простыя.
Те однажды мне во сне ону показали,
Плачущую всю по мне видеть приказали;
Думав правдою то быть, с ней хотел схватиться,
Крепко и прижать к грудям, чтоб не разлучиться [3, с.399].

Язык любви Третьяковского, наполненный чувственностью, эротичностью; страстью, граничащей с безумием, открывает в русской поэзии новые стороны нежности, сладости и любовного иступления.

Исследователь Р. Лахманн, анализируя лирику Третьяковского, справедливо замечает, что «попытка Третьяковского создать «язык сладости» привела к развитию большей стилистической чувствительности относительно идеала нежности...» [4, с.225].

В.К. Третьяковский соблюдает печальную направленность элегии и ее поэтическую форму. Лексика, передающая страдания героя, рисует нам портрет бесконечно скорбящего, рыдающего и льющего слезы человека. Именно так автор представлял душевные муки неразделенной любви, терзающие душу героя и не поддающиеся разуму.

Анализ отдельных элегий Прокоповича, Третьяковского показывает бесспорные достижения в развитии жанра элегии на русской почве. Прокопович создает элегию, близкую к античному и классицистическому образцу и, несмотря на специфичность тематики и художественных особенностей синтезирует в нем несколько видов жанров (идиллию, элегию), экспериментирует с формой данного типа произведений. Фактически автор отступает от требования «чистоты» жанра. Третьяковский «уводит» элегию из рационального мира классицизма, наполняя сильными чувствами, переживаниями, страстью, чувственностью; создает «язык сладости», ранее никому не известный, разрабатывает два типа элегий (треническую и любовную). Жанр элегии проходит путь от песни-плача (Прокопович) до лирической элегии, которая способствовала развитию любовной лирики в русской литературе 18 века.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається еволюція жанру елегії у російській літературі XVIII століття на прикладі аналізу поезії Ф. Прокоповича та В. Третьяковського.

SUMMARY

The article deals with the evolution of the genre of elegiacs in the XVIII century Russian literature. The author analyses poetry of Ph. Prokopovich and V. Trediakovsky.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. Изд-во АН СССР. – М.-Л., 1961.
2. Фришман Л.Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. – М., 1973.
3. Третьяковский В.К. Избранные произведения. – М.-Л., 1963.
4. Рената Лахманн. Демонтаж красноречия. – СПб, 2001.
5. Курилов А.С. Литературоведение в России XVIII века. – М.: Наука, 1981.

Надійшла до редакції 04.12.2008 р.

УДК 821.161.1:7.037.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЗВУЧАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. БЛОКА

Шульдишова А.А.

Предлагаемая статья посвящена анализу специфики звуковых музыкальных образов в структуре словесного повествования.

Для обоснования актуальности работы отметим ряд исследований музыкальной

ISSN 1817-2253

**Вісник
Донецького
національного
університету**

НАУКОВИЙ
ЖУРНАЛ
*Заснований
у 1997 році*

Серія Б
**гуманітарні
науки**

2/2008

Вісник Донецького національного університету

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ

ЗАСНОВАНИЙ У 1997 РОЦІ

Серія Б. Гуманітарні науки

№2/2008

З М І С Т

Філологія

Ткаченко К. А. Пушкін і Гоголь: до питання про карнавал	7
Розінкова О. С. «Миргород»: проблема жанру як художнього цілого	11
Сулейманова Н. В. Про естетичний опір («Герой нашого часу» М.Ю.Лермонтова)	16
Волик Н. А. Розвиток жанра елегії в російській літературі XVIII ст. (на матеріалі аналізу елегій Ф. Прокоповича, В.К. Тредіаковського)	23
Шульдишова А. А. Реалізація образу звучання у поетичних творах О. Блока	27
Поворознюк А. В. Інтертекстуальність «Мольєріани» М.Булгакова	35
Пуніна О. Фактура кіно в конструкції «лівої» прози Гео Шкурупія	42
Карабьова А. Архаїчна та модерністська системи сюжетоскладання у малій прозі Ірини Вільде	55
Перетятко М. О. Часовий зсув як індикатор вираження авторської свідомості (на матеріалі лірики В. Стуса, Л. Талалая та М. Вінграновського)	59
Філатова В. Суб'єктивність як одна з ознак мемуарної літератури	65
Свенцицька Е. М. Специфіка символічного слова в російській поезії	73
Домащенко О. В. Філологія як проблема	79
Кравченко Е. О. Поетика інтертекстуальності онімів у романі В.Набокова «Приглашение на казнь» (О.С.Пушкін і В.В.Набоков)	89
Ташкінова О. В. Домінуюча роль ілокуції у складній ієрархії мовленнєвих актів	97
Сенів М. Г. До проблеми лексико-граматичних зв'язків прийменника з відмінковою системою у класичних мовах	102
Альошина І. Г. Морфонологічні особливості кореневих морфем латинських дієслів руху	110
Кремзикова С. Ю. Дискурс як синтез комунікативного, когнітивного та соціального аспектів мовної діяльності	117
Нікуліна І. М. До питання про словотвірні особливості субконтинууму інформатики й обчислювальної техніки у французькій, українській та російській мовах	123
Луцай В. В. Ідея О.Потебні щодо функціональної спеціалізації словоформ у позиційному складі речення і методологія сучасних і граматичних досліджень	130
Борисенко М. М. Густативна лексика та її відображення у мовній картині світу	135
Просалова Я. В. Структура фразеологізмів із компонентом «house/haus» в англійській і німецькій мовах	143
Дроздов О. В. Іншомовні лексичні одиниці в карибському варіанті стандартної англійської мови	151
Масльонкіна Н. Г. Види омонімії в військовому реєстрі французької мови	156